

ІНТЕРСІТІБЛЮЗ

УДК 821.161.2'06-1

Л32

ЛАШИН Петро

Л32 Інтерсітіблюз – збірка авторської поезії / Лашин Петро. – К.:
Видавництво ТОВ «Вістка», 2020. – 80 с.

ISBN 978-617-7574-13-1

що таке Інтерсітіблюз? довгі зими, коротка весна. чорні листопадові поля. кілометри прослуханого вінілу і сотні сторінок. тридцять тисяч кроків на день. мій власний щоденник, який пишеться багато років. в середині – переживання, усвідомлення, натхнення, дорожні римовані нотатки та відкриття. у ньому дуже багато кави, вина, сонця, місяця та зірок. усього того, що найкраще видно з залізничного вікна. всього того, що найбільше смакує в дорозі. все те, що може вміститися у стислу форму вірша.

в кожній подорожі важливими є час відправлення і місце прибуття. саме так в Інтерсітіблюз будуть позначатися вірші – часом відправлення або місцем прибуття. адже інколи – римується час, а інколи – римуються місця. але не менш важливим є й сама подорож, то ж іноді між цими двома розділами будуть просто кілометри – вірші, яким не місце у календарі або на географічній мапі.

УДК 821.161.2'06-1

ISBN 978-617-7574-13-1

© Петро Лашин, текст, упорядкування, 2020

© Аліна Меліоранська, художнє оформлення, 2020

© Олександр Машлай, оригінал-макет, 2020

ЧАС ВІДПРАВЛЕННЯ

1 січня

це та річ, до якої віршів не дібрати.
наче небо, в якому зіткнулись комети.
добровільний полон. незачинені грати.
ром, в якому вона розчиняє секрети.

це та річ, над якою кружляє місяць.
наче потяг до моря о ночі першій.
шовковиста тканина, бавовна, ситець.
це – *perpetuum mobile* для звершень.

нескінченних вібрацій високі ноти.
свято першого снігу в міста ранкові.
те, що є – результати її кропіткої роботи.
всі події і персонажі – не випадкові.

4 березня

весна починається в березні.
цілий лютий чекає на правому березі.
у скринях поштових лишає свої оберіги
та вивчає ретельно структуру криги.

тож на що ви готові, невже на все?
що чекає на вас, що з собою вона несе?
хвилі вайбу якими збиває з ніг
та зривається серце з ходи на біг?

у містах північних танцює на кризі,
у південних – змиває іржу з хвилерізів.
розгортає зелені ландшафти в пітьмі,
що вже квіти на них проростають самі.

7 квітня

повертаються чорними білі птахи.
небо квітня лягає на львівські дахи.
про що тут говорять та з ким уві сні?
за гучними промовами тихі пісні.
ось, наприклад, останній
альбом ДахиБрахи.

спокій думок, що за сльози чистіші,
чи вдається знайти у ранковій тиші?
на світанку вривається кисень до вен
і торкається сонце старих знамен,
що висять урочисто
на жовтій Ратуші.

7 КВІТНЯ

4 травня

отже кожного року приходять
в місто наше травневі ночі.
часові механізми заводять,
щоб їх не проспати, охочі.

шепіт траси, відлуння тиші.
все стається, що має бути.
щось викреслює, знову пише.
пролітає сріблястий супутник.

а вона додає собі мед у каву.
щоб набридливі сни згасити.
і теж баче – супутник яскравий
переплутує їхні орбіти.

4 ТРАВНЯ

17 травня

неабиякі передчуття
вони мають -
дарунки психодилічного досвіду.
в помешканні, що винаймають,
протікає життя
і ще досвіту
прилітають до них
кожен день
птахи білокрилі надії
і мотивами нових пісень
їм до серця лаштують мрії.
дай боже терпіння
здійснити їх.

17 ТРАВНЯ

28 травня

це спокусливе право наосліп життя -
бути вкотре під корінь серпом в жнива.
емігрантське розбите шенгеном взуття -
лівий чобіт на правій, а правого – вже нема.

це роздріблена вщент вітражів мозаїка.
на стовпах електричних останні лелеки.
це найгірший роман видатного прозаїка,
де герої з ломбардів ідуть у аптеки.

це мальоване серце травневої ночі
на розломі останнього свого тижня.
споглядаючи згублено з неба, очі
не знаходять прикмети свого воздвиження.

це вже з рук їм не сходить тут знову
на роздачі з колоди непотріб набрати.
головне, щоби страву принесли готову,
щоби просто когось посадили за ґрати.

це врізається час у вітрини старих колекцій.
спочиває над морем татарська Ведмідь-гора.
це країна, в якій головною з інфекцій
є тотальна залежність від телевізора.

14 червня

скажи мені, сонце, хто я?
чи чуєш в ефірі мене ти?
слово – єдина легальна зброя,
з якої стріляють поети.

ти пробач, що я влучив знов
в цю тягучу субстанцію – час.
та фонетика різних мов
ще роз'єднує досі всіх нас.

я стою на нічному балконі,
ти летиш крізь простори космічні.
кожен з нас у своєму полоні:
ти рахуєш століття, я – тижні.

14 ЧЕРВНЯ

12 липня

невичерпна пам'ять на дати.
коротка – на імена.
час, що так важко впіймати.
літо, яке мина.

як валюта в місцевій обмінці,
переводяться в ночі дні.
залишаються наодинці
з сигаретами жовті вогні.

і буксують в піску баркаси,
і схиляються на боки.
в нас ще вільного стільки часу –
сторіччя. віки.

20 липня

несе уперед течія ледача
наші зроблені наспіх човни.
на правому березі наші
ненароджені доньки й сини.

весла чорні, важкі зрання,
порушують тишу ламку.
ми рибу їмо пізнання,
солодку й водночас гірку.

ми пірнаємо легко на дно,
вимірюючи глибини.
й бачимо як воно
піднімає із мулу хмарини.

і ми знаємо, що несе
човен кожен до водоспаду.
але ластівки кажуть, що це -
лише брама до саду.

27 липня

повертаєшся на знайомі місця.
помічаєш, що вирости раптом дерева.
зелень червня практично уже добігає кінця,
наостанок залишиться спека серпнева.

друже мій, крізь задимлені кухні та час
ми несемо ті речі, що так важливі -
неодмінно важливі для кожного з нас
і тільки нам притаманні, властиві.

повертаєшся в небо дивитись нічне,
де збираєшся зорі усі впізнавати.
цю плеяду зірок, що із часом мине,
перетвориться в камінь – річні загати.

та невисохне вода, вирушаючи далі.
десь залишиться попіл веселих кострів.
дві хвилини зупинки на цьому вокзалі -
рівно двадцять римованих кимось рядків.

2 серпня

траву розбитих стадіонів серед ночі
рівняти вже нема кому.
твій колір – це не тільки очі,
що дивляться у зоряну пітьму.

іржу забутих під дощем трамваїв
стирає час, курсуючи життям.
всі бачуть, та ніхто не знає
як зветься колір забуття.

десь буде те, чого не стало,
а все навряд здобує збережеш.
та колір твій – космічне покривало,
і барвам в ньому не існує меж.

2 СЕРПНЯ

10 серпня

птахи вилітають із вікон дзвіниці.
у Східній Європі врожай пшениці.
рахують прибутки, мовчать про втрати.
спробуй і ти, Гавриїле, зіграти

у повному люду очікувань залі
на струнах тотальних надії й печалі
для всіх від'їжджаючих в далі далечі
знаходити мрії мов крадені речі.

розправивших крила та плечі.
готових стрибнути в принаadne майбутнє!
та патологічна Єгипту відсутність
все ж унеможлиблює спробу втечі.

10 СЕРПНЯ

15 серпня

допоки ще осінь курсує
невідомими в місто маршрутами,
допоки вона ще ночує
у полях між Південним та Будами.

можна падати теплими зливами
у спустошені серпнем колодці.
і дивитись як жовтими нивами
пробігає на захід сонце.

купувати на ринках стихійних
базилік та болгарські перці.
доки час ще лаштує лічильник
на тепло у квартирі і серці.

15 СЕРПНЯ

24 серпня

на руці перукарки кільце зі срібла.
вода на столі у порожній зеленій вазі.
життя, що саме тобі тут від них потрібно,
і коли ти ідеш, що маєш тоді на увазі?

непохитне минулого ехо цементне стале,
відчиняються двері – випустити духів.
товарняк випадковий під стіни вокзалу
у цистернах привозе серпневу посуху

у міста з невимовними назвами в карті,
де високі стебла, двори циганські.
де яскраве небо щоночі стоїть на варті,
де зірки на ньому влаштовують танці.

де спинається сум, де приходе осінь.
де від безпритульності діти п'яні.
в перукарні з підлоги збирають коси.
за вікном каштани й стіна пекарні.

24 СЕРПНЯ

1 серпня

сухе вино. оксамитове хутро ночі.
остання зірка сідає на тій стороні шосе.
перевали між днями дедалі коротші -
це вже тягнеться час,
у якому ми здатні на все.

тут зелена трава, що над нею співає дощ.
тут і тиша в холодних пустих лекторіях.
геометрія сірих радянських площ,
над якою літають яскраві
комети історії.

спробуй все це згадати, забути, прожити,
все життя, своїх друзів, своїх ворогів.
щоб сказати нарешті – ну ось ми і квити,
щоби згодом набрати
нових боргів.

1 СЕРПНЯ

15 вересня

наче кавові зерна гірка,
і солодка як мед у сотах,
зриває слова з язика
та начитує мов по нотах:

цілий тиждень тут йтимуть дощі,
з неба падатимуть у ріки,
але ви все одно пишіть.
нехай ваші легкі повіки

не здригаються кожен раз,
коли я промовляю до вас.

в цій країні достатньо сліз
і пустих емігрантських валіз.
на вокзалах безхатні й військові,
замість сповідей – колискові.

прийде час та усе це мине,
пам'ятайте лише про мене.
я ж повернуся знов і знов -
миру вам. крапка.
любов.

15 ВЕРЕСНЯ

23 вересня

мені важко даються вірші без рими.
я не знаю чому це для мене складно.

наче вийти за власні рамки,
наче спробувати щось зламати.

я, як всі, починаю з ранку
планувати життя на роки.

а під вечір не знаю знову
що робити із власним часом.

тож дивлюсь на старі трамваї,
що кварталами мчать новими.

білий вірш під кінець зникає
і з'являється місце для рими.

23 ВЕРЕСНЯ

1 ЖОВТНЯ

поміж сутінок готельних коридорів,
що ведуть на вокзал від кімнат любові,
повні кишені самоіронії та каяття.
позбавлене контурів/ліній життя.

парусиновим зкручене знову вузлом.
забиває твій плеєр новим музлом.
тільки й бачиш як в ці переможені часом краї
жовтні в кожного знову приходять свої.

десь спускаються зверху донизу димами.
тож нехай усе те, що стається між нами,
наче місяць, що сходить над містом,
буде світлим наповнено змістом.

1 ЖОВТНЯ

23 ЖОВТНЯ

на холодному кахлі босоніж.
десь на півночі, майже на сході.
світло місяця ходить поміж
усього, що існує в природі.

ти не знаєш де діти серце,
воно б'ється, неначе током.
і літають птахами сенси
над закритим ще третім оком.

якось було і якось буде.
механізми любові незламні.
і найбільша деталь в них – люди.
часом радісні, часом печальні.

23 ЖОВТНЯ

29 ЖОВТНЯ

настане світ,
позбавлений подій.
єдиний день,
щоб здати паспорти.
у часу не залишиться питань
і ми уже не зможемо знайти
нічого, що здавалося усім,
бо інший смак
відчуємо води
в тривалій подорожі
розуміння меж.
каміння сторожко
виблескує і спів
виводить нас із потойбіччя снів.
його ти чуєш теж.

29 ЖОВТНЯ

19 листопада

у квартирах старих районів
півстоліття гуляють протяги,
а з покритих снігами перонів
відбувають у темряву потяги.

у шампанське домішано сум.
чорт, заснути ніяк неможливо!
за п'ятнадцять хвилин до Сум
прийде думка про щось важливе:

що у тиші плацкартній німій
стільки втілення й прийняття.
механічного часу хода, на якій
і тримається кляте життя.

наче бісер на нитці висить,
зав'язавшись у сотні вузлів.
і лунає десь пісня про мить,
із якої і дійсно не викинеш слів.

28 листопада

так майбутнє минулому пише лист,
виявляючи до листування хист.
на столі з маракуєй лежить табак.
воно пише, тримаючи серце в руках.

теплий світ, різдвяні вогні усюди.
чай з жасмином з фаянсової посуду.
у ефірі – saman із альбому re:member.
є потреба у драмах? немає потреби.

воно пише, що зорі у небі не згасли,
що усі віддзеркалені часом гасла,
тут людьми остаточно й навік забуті.
і не треба копати аби розібратись у суті.

тепле ж сонце, упіймане в зернах кави,
щоб зігрітись у аеропортах Варшави,
буде смак достовірно той самий мати.
люди ж будуть на рейси чекати.

стане краще ніж було до того, минуле.
із поганих маршрутів усі звернули.
і від Чорного моря до моря Білого
не існує попелу більше згорілого.

17 грудня

сріблясте таксі за номером.
про що ми у ньому говоримо?
про те що до наших ніг
грудневий лягає сніг.

говорим іще про те що
над містом здійсмається дещо,
зовні схоже на знак питання,
щоби місяцем стати востаннє

в цьому році, який добігає кінця.
що складається місяця подорож ця
із обставин вчорашніх й подій,
і що місяць – лінійного часу рушій.

що циклон вже накрит Карпати.
що з країни потрібно тікати.
що повітряних куль любові
нам маршрути нові відомі.

і що небо, що всіх береже -
новорічне уже.

17 ГРУДНЯ

25 грудня

давнє місто збудовано з білого каменю.
під луною, що губиться в гострому вітті.
звук волинки доноситься до книгарні.
різко пахне різдвяним глінтвейном в повітрі.

дивний грудень з ранкових туманів зшитий.
теплий грудень. останні дощі декади.
десь у небі ховається несамовито
український ліхтар надії, немов лампада.

хаотично новобудовами вкрите місто.
що ставалося в ньому в останнє десятиріччя.
місто сповнене талановитих артистів.
місто руське, єврейське, слов'янське, комуністичне.

чорний час, промайнувший яскраво.
методичний відхід від минулих правил.
в революціях, місто заливших лавою,
не знайшовся іще український Гавел.

а якщо у наші з тобою зазирнути зіниці,
то, на щастя, не знайдемо там халепи.
для таких як ми звідсілля не існує різниці -
там сирійський Луганськ чи донецьке Алеппо.

так багато реальностей та протиріч,
нескінченного суму й раптових утіх.
ми прокинемось зранку, а вздовж узбіч
вже двадцятих лежатиме перший сніг.

МЕСТО ПРИБЫТИЯ

Лиссабон

на закате приходят морские мечты -
чтобы в жизни все было как надо.
чтоб уже никогда не сжигать мосты
и в дороге не видеть преграды.

чтобы поступь была как гранит тверда,
чтобы мысли – кристально чисты.
чтобы если прощание, то навсегда.
капитаны судов, поездов машинисты.

дождевая вода чтобы пыль сбивала.
чтобы если слова, то имели значение.
чтоб того не казалось ни много ни мало,
что дается судьбою с рожденья.

чтобы кофе и чай, апельсиновый сок,
чтобы светлое утро, а ночь – темна.
чтоб за каждый прошедший урок
не хотелось от грусти вечерней вина.

быть как небо, которое солнца дом!
как земля, из которой растут деревья.
стать для моря тревожного дном.
процветающей быть деревней!

жить в укладе привычно простых вещей.
отделять зерно от не нужных плевел.
приводить за собой в этот мир детей.
находить в лугах шестилистный клевер.

пять цветных морей, где порты открыты.
и один глагол, звёзды над которым.
россыпью на ткань жемчуга пришиты.
и открыта дверь в устье коридора.

брать счета и ждать все оплаты в сроки.
называть собак именем фантастов.
знать что для того, кто читает строки,
эти пять минут были не напрасны.

ЛИССАБОН

Коктебель

в эту ночь восходит
под острым углом Венера
над начерченной под линейку
горой Клементьева.
и привычен уклад убегающего
сквозь пальцы времени -
если в море штиль,
то в долине ветрено.

и на той стороне,
под изнанкою неба темной,
тусклый свет горит
избирательно в редких окнах.
и от звездной ночи, с которой
столкнулась снова,
у земли пересохшей
в глазах намокло.

так спустился дождь и
сменился росой под утро.
и рыбак закурил,
и на кафеле турка дымится.
и в ж/д расписании
кажется врут вам -
нет таких поездов, что могли бы
здесь остановиться.

КОКТЕБЕЛЬ

Рейтарская

когда ты со всех ног бежишь
лабиринтами старой памяти,
когда ты останавливаешься на Рейтарской,
чтоб проверить на месте ли вороны.
когда тыходишь к месту,
в котором пути раздваиваются,
и солнце с луной начинают
вращаться в обратные стороны.

когда ночами приходят сны
с апокалиптическим сюжетом.
когда каждая тень на стене
под луной облачается в мистику.
когда тебе дали клятвы, уставы,
суждения, мотивы, мечты и запреты.
когда звезды над полем ночным
на глазах меняют свою логику.

когда душит за горло руками
липкими черной печали бес.
когда под улыбками в зал
пришедших трещит пересохший гипс.
когда все вопреки, все иначе,
не так как должно и с приставкой без.
когда как не решай уравнение,
все равно в нем одной переменной икс.

РЕЙТАРСКАЯ

когда твой питомец, уставший ждать,
уйдет без тебя на вокзалы чужие.
когда растрачены все сбережения,
чтобы быть хоть на миг счастливым.
когда все друзья повзрослели и стали
как горы Карпат до небес большие.
когда колокольчик звонкий
на розе ветров не звучит мотивом.

тогда знай, что обрывы, которыми
мы по ночам ходили тревожно,
это просто канавы, и в этих канавах
течет дождевая вода, а не та отрава.
тогда знай, что как бы поля не выжгло,
урожай собрать все равно возможно.
и жизнь это просто канат между
берегом левым и берегом видимо правым.

знай еще что прошедшие дни это то,
без чего не пришло бы сегодня.
это то, без чего не нашлось бы так много
камней разноцветных в кармане.
летним утром напейся с колодца воды
словно древние льды холодной.
никто не знает что будет.
все давным-давно спланировано заранее.

Пейзажка

по залитому солнцем городу.
направляясь рекою к морю.
и по рельсам плацкартным поездом.
самолетом из аэропорта.

и словами бегущими в строки.
и покоем, и смехом, и радостью.
и печальным известием по радио.
и тревожными новостями.

и распитой литровой Ballentine's.
с чемоданом в руках не собранным.
и монетой на дне оставленной.
и желанием всё исправить.

жизнь бывает холодным ветром,
а бывает огнем сжигающим.
между стенами расстояние
ею в комнате всё заполнено.

и на сердце печать оставлена,
и ладонь – эталон картографии.
и сегодня жара, и в Киеве
на Пейзажке все люди – разные.

ПЕЙЗАЖКА

Эйн-Бокек

на юге Франции – лавандовые поля.
на севере Мексики – кактус пейот.
в каждом гимне есть соль и есть ля.
всё вокруг на особых частотах поёт.

неизвестные запахи дальних мест,
километр к осту, затем – на вест.
средиземный эмбиент парусных мачт.
полный стадион и финальный матч.

уменьшенная терция – море дышит.
это лучший оркестр, к нему солд-аут.
человек у берега смотрит и слышит.
и закат горизонтом по небу растянут.

и летят самолеты, и едут плацкарты.
и случается всё, что должно случиться.
остаются отметки в оффлайновой карте.
и мелькают во снах незнакомые лица.

ЭЙН-БОКЕК

Тель-Авив

бесконечная череда
разноцветных дней.
иногда ты считаешь года,
вспоминаешь друзей.

какая у вас там погода?
в условном Париже.
не видались уже полгода -
сообщение пишешь.

привычный аперитив,
вчерашняя пресса.
вас ждет Тель-Авив,
ну а вас – Одесса.

лаконичное всё окей,
еще много всего впереди.
не теряйте своих друзей
в этом долгом пути.

ТЕЛЬ-АВИВ

Будапешт

бесшовно склеена в катушках кинолента.
сезон дождей в глубинах континента.
окурки сыпятся в бумажные стаканы.
обрывки прошлого. на будущее планы.

все золото, прошедшее сквозь сито,
полученное – отдано. что спрятано – пропито.
к искателям в монетах не вернётся.
здесь падает луна на дно колодца.

и осень кубарем срывает дверь с петель.
и рассыпается на части цитадель.
никто не помнит этого момента.
сезон дождей в глубинах континента.

БУДАПЕШТ

Берлин

печальное время печальных людей.
концерт New Order в Восточном Берлине.
угасла эпоха и следом за ней
сгущаются краски на этой картине.

великие дворники пьют вино,
вчерашних событий сжигают афиши.
и курском тревожным уходят на дно.
последнее танго в париже...

а здесь и сегодня – так странно тепло,
стал климат мягче материковый.
и тающим снегом в смартфона стекло
стучатся капли эпохи новой.

БЕРЛИН

Вильнюс

песни ветра, живые ландшафты.
звезд вибрации здесь повсюду.
на этой планете живут космонавты,
пьют вино из красивой посуды.

что ни день – то у них заботы,
еще голос чей-то с вопросом внутри.
он один и тот же все время: кто ты?
иногда этот голос похож крик.

и всё им кажется будто что-то
принесет покой и подарит милость.
но их мёд изначально заложен в соты.
и всё нужное с ними давно случилось.

ВИЛЬНЮС

Стокгольм

какие из дней станут днями лучшими.
из чего они только не сотканы!
то запомнятся нам бегущими,
то по ветру плывущими лодками.

корабли, заходящие в гавани.
звезды, с воздуха нависающие.
какие же вы все разные в плавании,
то ужасные, то потрясающие!

горький привкус, сменяющий голод.
затихавшие в бурном потоке ноты.
полотно, из которого соткан город,
и фрагменты, что временем стёрты.

что за дни станут днями нашими,
где мы змей своих укротители?
никогда нам не быть уставшими,
пока в будущем мы – победители.

СТОКГОЛЬМ

Уппсала

потому что одновременно и
еще потому что всё связано!
реки крови несутся венами
и сверкают глаза алмазами.

как там много всего запрястано -
доставать глубину с колодца!
ветви щедро алеют гранатами.
золотятся сердца на солнце.

горизонта мелькает лезвие.
миф, творящийся прямо сейчас.
вот откуда берется поэзия -
дебаркадер, встречай баркас!

доставать из сетей: эмоции,
обжигающий зной на берег,
картографию разных пропорций
неизведанных нами америк.

и сверкают глаза алмазами,
слайд за слайдом переключая.
потому что вокруг все связано -
нет ни в чём ни конца, ни края.

Барселона

у подножья горы в абсолютном покое
спит большое открытое синее море.
в небе звезды сверкают неодинаково.
змеем вьётся дорога Святого Иакова.

так и мы уснули, что к северу изголовье.
от того нам снится Средневековье.
лица как на картинах – остры, заточены -
в храме каменном сосредоточены.

а у храма причудливых форм фасад.
и за раем ушедшим – грудящий ад.
и в забвении тихом непознанное еще.
и Атлант Гибралтар еще держит плечом.

наше время не линия, время – кольцо.
дежавю. чувство будто знакомо лицо.
мы проснёмся утром – в еще одном сне.
за окном мегаполис и дело к весне.

БАРСЕЛОНА

Познань

разбросаны как
камни по побережью,
омываемым морем
под названием время.
нить распускается
так небрежно,
и в этом нет
никакой системы.

как будто зерна
с одной корзины,
посеяны в этих
бескрайних полях.
где проросли
и цветёте ли ныне,
и что отражается
в ваших глазах?

ПОЗНАНЬ

Харьков

харьковский вокзал. полчаса до ночи.
на первый перон прибывает поезд.
кто-нибудь в него торопясь заскочит,
будто точка последняя в повесть.

и спустя пять минут отправление, чай.
сигареты, вода – все купить не успелось.
нет ни слова привет, нет и слова прощай,
про которое в «Стуке» у Виктора пелось.

и потом будет ночь, и за ней будет дата,
что в билете чуть ниже вчерашней стоит.
а куда прибывает? не важно. куда-то.
лишь бы в место, где новое солнце горит.

Подол

останутся только слова,
соберут в полотно историю.
время – всему голова,
избранное – на повторе. и

вот мы идем по Валам,
не случайные незнакомцы.
и небо нам напополам,
и улыбка идет к лицу.

мы находимся в зоне риска
и эпоха как ночь темна.
но птицы летают низко,
потому что весна.

Киев

там где нет никакой границы,
там где солнце заходит едва ли, -
появляются белые птицы,
о которых мы даже не знали.

откуда нам знать, очевидцам,
что скрывают небесные дали?

еще взмах – и они всё ближе.
стаей белой сквозь небо синее.
они тихо садятся на крыши.
это все происходит в Киеве.

- почему мы вас видим и слышим?
- потому что не злые вы.

КИЕВ

Югославия

останется развалиной на скамейке
военный устав разобранный на цитаты.
в этом городе, словно в Мекке,
будут расквартированы все солдаты.

расцветут магнолии щедро кувшины
для пчелы в полосатом фраке.
в стаканы, которые наполовину,
до краёв будет налита ракия.

и до лета тянувшись всем телом,
этот май всё же станет июнем.
он придёт в одеянии белом -
преждевременным, слишком юным.

Внутренняя Монголия

поменял диспетчер столетий колею.
поезд прибыл во Внутреннюю Монголию.
небо тучи водит, к грозе готовится.
вылетает из уст на чужом языке пословица.

ноги сами на грязную встали платформу.
и стихи обрели упрощённую форму.
безымянным потомкам великих создателей
стало сложно без указателей.

будто хвост, эпоха концы отбросит.
и цыплят как обычно считают в осень
те, которые врут никогда не краснея -
идеальные спутники для Моисея.

ВНУТРЕННЯЯ
МОНГОЛИЯ

КИЛОМЕТРЫ

Ливень

сталкиваясь с жизнью
в пустых трамваях,
идущих на шумные вокзалы, -
один на один,
только боль головная
уснуть не дает в дороге.

сталкиваясь с жизнью
со вкусом зеленого яблока
и горького темного пива,
со стаканчиком американо
в аэропорту ночном,
или в городе лета,
где крутятся диафильмы
на стенах заброшенного
мясокомбината.

сталкиваясь с жизнью,
где все происходит само собой,
и люди, которые говорят
не прощай, а всегда
до свидания.
и врагам просто нет никаких
причин для реального
существования.

сталкиваясь с жизнью,
где будущее становится
прошлым внезапно,
и так досадно,
как будто бы гол
на последних минутах
пропускает команда,
рассчитывающая на ничью.
и только афишы в кинотеатрах
обновляются каждый четверг,
пока никто не видит,
после последнего сеанса
глубокой ночью.

и вот бредет по дороге ливень,
не подозревающий того,
что на дачах поспели сливы.
сорвала? вот умница.
клади аккуратно в сумку.
смотри, а не то помнутся.
и солнце смеется, спускаясь вниз.
и лето длиною в жизнь,
с которой сталкиваются,
как с прохожими на узкой улице:
не повернуть назад,
но и не разминуться.

Восход

чувство такое
как будто приснился вздор.
я открыл глаза, а в окне
разразился пожаром рассвет.
и накинув рубашку,
я вышел во двор,
передать свой
китайский привет.

моя трасса с нечетным
количеством миль,
мое небо, в котором
сгорают еще огни,
моя музыка, черный
как нефть винил.
мое место,
мои быстротечные дни.

а чувство такое
как будто фундамент
дал трещину, и
птицы сорвались с гнезда.
как будто бы дождь
на песке орнамент
смывает. такое бывает,
особенно если песок и вода.

и еще: о вещах,
про которые важно молчать,
кто-то в небе молчал.
но комета, искавшая путь,
чтоб оставить
на небе рассветном печать,
в этот раз почему-то
решила свернуть.

и я думаю – там,
через области три, лиман,
где метается рыба в сети,
что искала ночлежку.
я пошарил руками –
пустой карман,
что-то важное будто
утеряно в спешке.

никогда не бывало со мною
такого, чтоб
забывались слова,
те что знал наизусть.
так стою в этом утре
и морщу широкий лоб,
где земной восторг
и где цвета индиго грусть,

где и радость живет
по соседству с весельем.
а глаза зависли на кронах,
которые в космос антенны.
как холодный мертвец,
месяц в небе бледнеет.
словно лев недобитый,
скрывается в угол арены.

всё исчезло внезапно.
раскрыл свои карты день.
след простыл. никакого отныне
особого чувства.
накрывает крылом
повседневной рутины тень,
будто пыль в музеях
классическое искусство.

ВОСХОД

Pink Floyd

зацепиться за фразу:
все приходит не сразу.
но, как с крана последняя капля,
уходит в миг.
воды больше нет,
а стих -
не больше чем жажда чуда,
безнадежнее веры в сказку,
не преданную огласке.
туман многослойных
иллюзий.
скорей закрывайте шлюзы.

давайте продолжим дорогу
в разбитых о камни ботинках.
за музыкой в чёрных пластинках
услышать молчание
Бога.

прости, больше нет кому
сбивать эту злую оскому,
наверное потому
мы ищем дорогу к дому.

сквозь ветренность
и весну,
и любовь что весне
на смену.
а они все никак не уснут –
им не перелезть эту стену.

the wall.

наш серьёзный Роджер
пускал по воде дымы.
и верил во все как мы,
когда был гораздо моложе.

PINK FLOYD

Степи

прежний мир как кувшин -
громко рухнул на пол с подоконника.
он был полон воды, но пустым -
как советская кинохроника.

и газеты из прошлого века -
ими в дождь разжигали мангал.
детская школьная библиотека.
геометрия рельс и шпал.

степи южной железной дороги,
вдоль которой стоят города.
будто церкви, которые боги
удалили с маршрутов своих навсегда.

СТЕПИ

Холмы

бесконечной земли покрывала-поля.
вслед за черной полоской зелёная.
ветер ходит, заглядывая в тополя.
жизнь огромная, вдохновлённая

протекает рекой на условный юг,
как по клавишам пальцы бегущие.
из кривой со временем выйдет круг.
в точке следующей – предыдущая.

что не строится вдруг по ладам -
скоро будет звучать на других частотах.
слева вправо идти по холмам -
здесь у солнца такая работа.

ХОЛМЫ

Волнорезы

городов полотно автострадами соткано.
день на то, чтоб доехать до побережья.
волнорезы жизни прямыми наводками
атакуют случайные волны надежды.

вечер тает свечою за барной стойкой.
виски занято тем же в коктейле с содовой.
здесь тепла сегодня отпущено столько,
сколько было вчера безвозмездно отдано.

и практически всё говорит об обратном.
колесо крутилось – да обод смятый.
провожается словом здесь всем понятным
октября туманного день тридцатый.

Мост

пустые места как холст.
место для выгула
вашей бойцовской собаки.
железнодорожный мост
как маяк в беспробудном мраке.

индустрия мертва вокруг.
у неё стопроцентный the end.
и не бросит спасательный круг
в эту лужу сеньйор президент.

здесь теперь у нас шиномонтаж.
процветает торговля ширкой.
и по внешности точно не наш
отдает, как священник просвирку,

прихожанину на укол
из ближайшей пятиэтажки.
тот садится в свою копейку.
под сидение прячет ствол.
и на крышу цепляет шашку.

Калитки

ветер шел по дворам, натываясь
на давно некрашенные калитки,
на лозы припорошенной снегом завязь,
и следы на снегу – лабиринта нитки.

вдоль котельной, пекарни, к депо.
по маршрутам вокзальных птиц.
по воспоминаниям, даже по
топографии прежних лиц.

у заброшенной школы пустой,
тридцать лет принимавшей ливни,
очень долго стоял и смотрел на чужой
перекресток вчерашней жизни.

КАЛИТКИ

Занавеска

вино из одуванчиков, конечно.
в рожь как в пропасть луна слетала.
было дело, и мчалась неспешно
без конца и уж точно начала

жизнь в белеющих мокалинах
на упругих кошачьих лапах.
в опустевших и пыльных гостинных
свежескошенной зелени запах.

там заштопанная занавеска.
старой мебели лак потрескан.
за окном расцветает клубника.
и на торт в коридоре мастика.

а потом как прыжок киношный.
раз – и не за что зацепиться.
очень странная штука прошлое.
начинается раньше чем ты родился.

ЗАНАВЕСКА

Расфокус

все пространство наполнено знанием.
с какой стороны вагона садиться.
что в переулке за старым зданием.
и в каком направлении граница.

ведь что такое родина? это воспоминания
и в сильном расфокусе лица.

это под виноградной лозой стол.
сладкий вкус заводской газировки.
люди, с которыми бегал в футбол.
«...да, вчера... от передозировки...» -

это факт, записанный в протокол,
и не поддающийся корректировке.

РАСФОКУС

Экспресс

случайным образом из колоды
дни выпадают – сдающий не ловок.
экспресс проносится через годы
без оглашения остановок.

на сон грядущий двойные затворы -
легче ночью бессонной напиться
под никому не нужные разговоры
на кухне о третьих лицах.

и бежать, наступая в одно и то же,
и счищать, снег замерзший чеканя.
жил себе человек и дожил.
время, деленное на расстояние.

ЭКСПРЕСС

Фонетика

сыпется пепел
на наши дороги,
а нет. это снег.
расскажи мне
свои тревоги,
опечаленный
человек.

можешь смеяться
громко.
и пить двойной.
это долгая
остановка,
а поезд наш –
невыездной.

расскажи о делах.
прибавляй, если
хочешь, перца.
нет страшней
ничего в словах,
чем фонетика
черного сердца.

что тебя заставляет
жить
в этом мире худо?
нужно лишь
научиться любить
и в обыденном
видеть чудо.

ФОНЕТИКА

Провода

изменения неизбежны
внутри тебя и снаружи.
душ океаны безбрежны,
и ум перед ними как лужа.

пусть и небо в нем иногда
отражается или птицы,
вьются черные провода,
силуэтами рыжей лисицы

светят звезды. земных особ
населенные гнезда спят.
а к бровям прикасается лоб,
ощущая медведицы взгляд.

ПРОВОДА

Диалог

это наглость с моей стороны
писать о тебе в этих строках.
ты на той стороне луны
и быть может тебе одиноко.

хотя знаешь, мне кажется здесь,
где дома не бывают пусты,
если свет настоящий и есть,
то его излучаешь ты.

для того, чтобы мы могли
наслаждаться прекрасным видом,
а не в топку бросать угли
общей ненависти и обиды.

и пускай мой ночной диалог
обращается в мозге эхом -
я тебя называю Бог,
но себя заслужил Человеком?

ДИАЛОГ

Причал

взгляд на две тысячи ярдов.
ничего не видно, но смотрит в корень.
день закончился. больше не надо
со всех сил бежать и упорно спорить.

вино открывается на причале.
корабли кормой о колени трутся.
в этой тихой земной печали
звезды снова решили проснуться.

смех внутри. тишина снаружи -
внезапно пришла, ниоткуда взялась.
выше ступени, пролёты всё уже.
прописью звезды – арабская вязь.

ПРИЧАЛ

Кулисы

сам себе и судья, и палач,
не сходи безнадежно с ума.
жизнь не состоит из сплошных удач.
за каждым летом приходит зима.

только вновь не надо из-за кулис
как пасту зубную выдавливать смех.
по каждой тропе, что уводит вниз,
можно также подняться наверх.

непомерная ноша лежит на плечах?
миллиарды безумцев ее несут.
а жизнь прекрасна в простых вещах
и происходит сейчас и тут.

Сумерки

дым идёт кругами.
разноцветные картины,
сотканые сумерки в объятых городских.
сердцу не заполненному и наполовину
чай в полночной кухне дарит этот стих.

старыми и новыми буквами написанный
черными по белому с рамкой золотой,
бронзовой серьгою
в ком тоска зависла и
тем, кто тоже ищет внутренний покой.

звонким словно бусины на запястьях лам.
с ветреными мыслями (быстрее их лови)
ходит осторожное по нашим городам -
одно маленькое сердце,
так много любви.

СУМЕРКИ

Полумесяц

это песня звезды вечерней.
вы уже допили свой чай наверно.
вы тот самый живой человек,
кто способен всё это видеть.
вас так сложно понять в этот век,
так легко обидеть.

это песня звезды вечерней.
вы уже закурили вторую наверно.
и глядите с балкона ввысь -
в глубину, в обнаженное вечно.
вы запутались, заврались,
и не цените дней быстротечных.

это песня звезды вечерней.
вам сегодня привычно скверно.
полумесяц, исламский знак,
звёзд росу в темноте собирает.
вам бы знать всё устроено как,
только истин таких не бывает.

ПОЛУМЕСЯЦ

Текила

высоко в небе над солнцем сокол.
а солнце все то же в проёмах окон.
и день как песок убегает сквозь пальцы.
и нет остановок у вечных скитальцев.

саймон с гарфанкелем на виниле.
лайма кусок в серебристой текиле.
прошное давит, на место проситься.
сломанный нос, разбитая переносица.

из колёс вылетают пружиной спицы.
и в калейдоскопе мелькают лица.
каждая буква из русского алфавита
как карта игральная именем бита.

ТЕКИЛА

Настоящее

настоящее – это
привычный казалось бы снег,
заставший на крышах
тебя по утру.
и в календаре -
четверг,
и сигарета,
искрящая на ветру.
и пластинка, шурша
под иглой, набирает разбег.
настоящее – взор,
неизменно стремящийся вверх.
настоящее – плед,
предлагающий
долгие сладкие сны.
настоящее – чувство
пред кем-то
какой-то вины.

настоящее – есть
то, чем в отличие
от прошлых и будущих
дней, слишком
редко живут.
настоящее – весть,
не всегда которую ждут.
и не всегда эта
весть хороша.
но настоящее – снег,
иди по нему не спеша,
как пластинка идет
под иглой, – шурша.

НАСТОЯЩЕЕ

Барабан

ты разлей нам по клавишам чай.
пальцы пишут пускай о нас.
или новую песню сыграй,
пару старых заученных фраз.

то, что поезд заходит в депо
и железные птицы спят.
бледный месяц на небе слепой
на себе ощущает взгляд.

то, что где-то идёт караван,
сквозь пустыни, скитальцев.
кожей стянутый там барабан
превращает движения в танцы.

или может семнадцатый год,
вентилятор шумит в потолке.
ничего уже больше не ждет
чей-то палец на чутком курке.

или утро, холодный прибой
превращается в солнечный грав.
из колонок прекрасной трубой
новый день освещает Maalouf.

БАРАБАН

Иголка

так много мы знаем,
но что с того толку.

ищем любовь, как в том
стоге из сена иголку.

находим и колимся.
бросили – снова на поиск.

как лодка без вёсел.
как без машиниста поезд.

любовь ведь не только
к другим – ко всему в округе.

к солнцу, которое среди туч;
и к дождю, что на юге.

к неохотным подъемам
вгору,
к рутинной работе.

к делу, что валиться с рук.
и к неуловимой ноте.

желтые люстры –
заменители
ярких далеких звёзд.

сядем под ними
в уюте построенных гнёзд.

хоть минуту побудем
в покое. бестолковые
тигроловы.

так много мы знаем,
но так мало к чему готовы.

ИГОЛКА

Купол

купол стянут свинцового цвета тучами.
черный зонт – на ветру парашют.
в институтах синоптики врать научены.
но наука простая – они не одни здесь врут.

врут себе, заходя по утрам не в то здание.
убеждают – к разводу мостов успеют.
не считают шагов, но зато расстояние
так удобно чужое на глаз измерить.

по лыжне, что накатана кем-то, проложена -
там бедней, тут богаче, дешевле, дороже.
жизнь прошедшая с жизнью прожитой
не является жизнью одной и той же.

Остановка

вот такое плохое пророчество:
обязательно все закончится.

у случайного дома случайной улицы
или на остановке ночной автобуса.

безразличием на незнакомом лице.
и небрежным вращением глобуса

нас будильник не выбросит в день,
не разбудит в метро старик.

и чернеющим облаком словно тень
упадет на асфальт мой стих.

чтобы смешанным быть дождем
будто в миксере с желтым бензином.

чтобы мой недостроенный дом
никогда не оброс мезонином.

чтоб от яблони яблоко не упало!
все закончится, будто бы первый снег.

чтоб не ждало такси у вокзала!
вот сбылось наконец – убежать от всех.

как уроки в одной из районных школ.
за окном темно, за глазами бездна!

как студенчество, кайф, рок-н-ролл.
все закончится. это не честно!

никуда не придя, уходить не хочется.
только кто тебя спросит об этом,

когда все разом в миг закончится,
чтоб снова начаться случайным летом.

ОСТАНОВКА

Волошин

жаркой ночью так пахнет травой,
что вечером скошена.
в Тихой бухте сидит святой
и читает Волошина.

что пока наши длятся дни,
и на небе сияют звезды,
разжигать изнутри огни
никогда не поздно.

что ни будущего, ни прошлого
в Карадаге нет – только вечность.
над Хамелеоном, горой Волошина –
звездопадом искриться млечность.

я не смог узнать ничего -
ни из книг, ни со слов очевидцев,
только чувствую что его
и во мне есть частица.

Петро Лашин

ІНТЕРСІТІБЛЮЗ

Формат 70x100/16.

Гарнітура Fira Sans. Друк офс. Папір офс.

Ум.друк.арк 6.5. Наклад 300 примірників.

Видавництво: ТОВ «Вістка»

Адреса: вул. Рибальська, 2, м. Київ, 01011, Україна

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру України видавців,
виготовлювачів та розповсюджувачів видавничої продукції:

серія ДК № 2280 від 05.09.2005